

менее интересной и информативной для исследователей. Кроме того, ряд публикаций советского времени предоставляет читателю во многом идеализированную и далеко не всегда соответствующую действительности картину жизни казахов.

Поэтому на сегодняшний день XX век является для этнографов своего рода лакуной — реальную жизнь казахов в этот период можно лишь отчасти реконструировать, и большое значение в связи с этим приобретают новые полевые этнографические исследования, позволяющие зафиксировать воспоминания стариков — реальных участников повседневной жизни недавнего прошлого. Этнографические исследования также дают возможность составить представление о современном социальном статусе казахской женщины, зафиксировать те традиции, которые существуют до настоящего времени или, наоборот, ушли в прошлое. К тому же именно полевые исследования позволяют увидеть и понять отношение самих казахов к своей истории и культуре.

1.2. Историко-юридические материалы

Как уже было сказано, значительную часть материалов по культуре кочевых народов Центральной Азии составляют исследования в области обычного права. По мере того как шел процесс включения центральноазиатского региона в сферу политических и экономических интересов России, русские чиновники стремились не только описать и изучить, но и изменить нормы обычного права, приспособив их к интересам имперской колонизаторской политики. В России довольно рано произошло отделение юридической антропологии, изучающей возникновение и развитие ранних форм правовых систем, от всеобщей истории права. После реформ 1860-х годов наблюдается значительное повышение интереса российских ученых не только к русскому обычному праву, но и к «иностранческим» юридическим обычаям. Были выработаны специальные программы по изучению юридического быта; в работу включились офицеры Генерального штаба, чиновники, деятели статистических комитетов, различных научных обществ, представители местной интеллигенции. В начале XIX века российские военные начали составлять первые своды казахского адата со слов его знатоков. Со второй половины XIX века началось этнографическое изучение юридических норм, регламентирующих жизнь кочевников Центральной Азии. Систематическая

фиксация правовых норм «инородцев» позволила перейти к историко-этнографическому истолкованию значительного фактического материала. В советское время продолжалось изучение обычного права казахов. В работах советских этнографов юридическая антропология рассматривалась как раздел «нормативной этнографии» (Першиц 1979: 214). К сожалению, правовая и особенно судебная сферы применения адата плохо отражены в этнографических описаниях.

Имеющиеся в распоряжении исследователей сборники обычного права дают различное, а нередко и прямо противоположное объяснение тех или иных обычаев казахов, что вызвано и спецификой обстановки, в которой производилась фиксация материала, и уровнем осведомленности и заинтересованности подбиравших его лиц. Многочисленные противоречия в приводимых сведениях являются серьезным препятствием при анализе источников XIX — начала XX века. Рядом с точными и подробными указаниями на существующие правовые практики встречаются ссылки на так называемые *древние* обычаи, которые не всегда отделяются от *современных*, заимствованных из Корана или привнесенных русскими законами.

Большинство спорных вопросов в жизни кочевника решались посредством обычного права (*адата*) — родового закона. Общеизвестно, что слово «адат» арабское и означает «обычай». У кочевых народов Центральной Азии термин «адат» употребляется для обозначения обычая, привычки, причем не делается разграничения между правовым и неправовым обычаем. Казахи употребляют и другой термин, соответствующий понятию обычного права, — *заң*. Под этим термином подразумевается не только обычное право, но и закон (Ахметова 1989: 33).

Адат был исключительно локальным правом, его источником был прецедент. За пределами «своего» общества он терял юридическую силу. В 60–80-х годах XIX века российскими властями были узаконены чрезвычайные суды биев, работа которых начиналась с составления *ереже* — малого кодекса обычно-правовых норм, на основании которых и решались спорные вопросы. *Ереже* — уникальные письменные источники казахского обычного права поздней записи, включающие как традиционные нормативные материалы, так и привнесенные метрополией. В них в письменной форме сформулированы конкретные нормативные правила, имеющие силу закона только на данном съезде биев.

Изучая поздние списки правовых норм кочевников, можно выделить ряд общих черт адата для всего региона, но необходимо отдавать себе отчет, что отдельные положения имели хождение и обладали ста-

тусом закона только в пределах отдельного жуза, рода или даже конкретной семейно-родственной группы. Составители сводов обычного права кочевников не всегда учитывали подобные обстоятельства. Эти особенности правовой практики кочевников объясняют вариативность и противоречивость приводимых авторами сведений об адате. С другой стороны именно вариативность и гибкость адата позволили российским органам власти достаточно быстро приспособить обычное право кочевников к функционированию в изменившихся политических условиях и тем самым несколько сгладить стресс от столкновения двух правовых систем.

Нормы шариата постепенно проникали в среду кочевников вместе с исламом, но этот процесс был прерван после революции 1917 года с внедрением советских законов.

Для периода XIX — начала XX века обычное право казахов довольно полно отражено в литературе. Большое значение для исследователя обычного права кочевников имеют опубликованные и архивные рукописные материалы: отчеты российских чиновников, собиравших по поручению правительства сведения о религии и быте кочевого населения степей. Первый свод законов, действующих на территории Среднего жуза, был составлен в 1824 году Омским временным комитетом — «Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета» (Собрание киргизских законов... 1948: 31–69). А.И. Левшин, о котором уже упоминалось в связи с обзором собственно этнографических источников, в своем «Описании киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» приводит свод норм обычного права казахов (Левшин 1832, III). Его труд позволяет составить представление об относительно раннем этапе развития казахского адата в условиях контакта с российской законодательной системой. Сборник обычного права сибирских инородцев был опубликован Д.Я. Самоквасовым в 1876 году в Варшаве (Самоквасов 1876), в него частично вошли материалы, которые по инициативе М.М. Сперанского были собраны еще в начале XIX века. Эти материалы должны были лечь в основу собрания всех адатов России. Но этот проект так и не был осуществлен.

В конце 1845 года Оренбургская пограничная комиссия предложила своим чиновникам, а также лицам, находящимся на постоянной службе в Казахской степи в качестве письмоводителей, переводчиков, попечителей, собрать материалы о казахском адате и представить собранный материал в пограничную комиссию. В 1882 году специальная программа для сбора материалов по обычному праву была разослана

генерал-губернатором Западной Сибири. В Семипалатинский статистический комитет поступали сведения от уездных начальников Семипалатинского, Павлодарского и Каркаралинского уездов. Эти материалы легли в основу сборника, составленного почетным членом Статистического комитета П.Е. Маковецким (1886). В канцелярию степного генерал-губернатора поступали собрания материалов по быту и нравам казахского населения, территориально разделенного на уезды (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089). Подробные записи казахского адата составлены чиновником особых поручений Пограничной комиссии д'Андре на основе материалов, присылавшихся местными российскими чиновниками и военными (д'Андре 1948: 119–158; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 401).

До XIX века обычное право кочевников существовало в форме устного предания и обычаев. Науке не известны адаты казахов, зафиксированные до их вхождения в состав России. Первые письменные своды обычного права кочевников появляются в процессе установления контроля Российской империи над вновь приобретенными территориями, поскольку это требовало ознакомления с действующим у кочевников комплексом традиционно сложившихся местных юридических и бытовых институтов и норм. Российские власти полагали, что сбор материалов по обычному праву даст возможность рекомендовать его к использованию, хотя и частичному, в судебной практике, что придаст официальный статус российской власти и поставит барьер экспансии ислама в этом регионе. Кульминационный этап в развитии интереса российских властей к местным юридическим нормам представлен трудом Н.И. Гродекова (1889а). Особым достоинством этого издания стала точная паспортизация приводимых сведений: автор указывает, в какой местности и от кого были получены те или иные материалы. Ни до, ни после Н.И. Гродекова столь объемные и информативные сборники обычного права казахов не издавались.

В сведениях, собранных И.Г. Андреевым (1795–1796), А.И. Левшиным (1832), д'Андре (1948), чиновниками Оренбургской пограничной комиссии (Материалы по казахскому обычному праву... 1948), А. Евреиновым (1851), Л.Ф. Баллюзеком (1871), П.Е. Маковецким (1886), И.А. Козловым (1882), Н. Изразцовым (1897), Н.И. Гродековым (1889а), Ф. Лазаревским (1862), Л. Мейером (1865), Г. Загряжским (1876), С. Болотовым (1886), В.Д. Троновым (1891а, б), Н.Н. Малышевым (1902, 1904), А. Подварковым (1910), Т.М. Культелеевым (1955), С.Л. Фуксом (1981), содержится большой фактический материал, характеризующий правовое положение казахской женщины.

Авторы отмечают отсутствие у женщины права свободно распоряжаться своей жизнью, заключать брак по своему выбору и отказываться от мужа, навязанного ей по обычаю семейно-родственной группой. Главная ценность этих источников заключается в том, что материал был собран непосредственно у знатоков-толкователей адата — биев, аксакалов, султанов. Это позволяет представить бытовавшие у кочевников правовые нормы, установить посредством сравнения этих материалов с более поздними направлением изменений норм адата под влиянием российского законодательства.

Из публикаций последних лет стоит отметить сборник материалов по обычному праву казахов, кыргызов и туркмен, составленный А.А. Никишенковым на основе документов (отчетов чиновников, постановлений народных судов, судебных выписок) и списков адата XIX века (Степной закон... 2000). Сборник содержит и аналитическую часть по истории присоединения казахских, кыргызских и туркменских земель к России и формирования в них имперской административно-судебной системы.

Особую группу источников составляют работы по теоретическим проблемам традиционной организации кочевого общества. Исследователи культуры и быта казахов неоднократно обращали свое внимание на специфику социальной организации кочевников. Объемная библиография по этому вопросу содержится в монографиях С.Е. Толыбекова «Кочевое общество казахов в XVII — начала XX века. Политико-экономический анализ» (1971) и Н.Э. Масанова «Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков» и «Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества)» (1984; 1995), в меньшей степени — в работе Г.Е. Маркова «Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации» (1976).

Н.Э. Масанов отмечает, что в кочевой среде наблюдается господство межпоколенных связей и приоритет генеалогии в сфере общественного сознания, в отличие от земляческих связей у оседлых народов (Масанов 1995). В этой ситуации большое значение приобретают внутренняя организация коллектива (в том числе правила заключения брачных союзов) и законы, регулирующие нормы повседневной жизни, то есть адат.

В этнографической литературе по кочевым этносам за отдельным таксономическим подразделением закрепилось не совсем удачное название «род». Мы будем рассматривать «род» как объединение минимальных линиджей — семейно-родственных групп в пределах

двух-трех поколений по отцовской линии. Вопросы, связанные с заключением брака, размером калыма и приданого, наследованием имущества умершего, установлением опекунов над несовершеннолетними детьми, оставшимися без отца, правом левирата, а также вся обрядовая практика жизненного цикла человека регулировались в рамках семейно-родственных групп. У казахов семейно-родственная группа называлась *ата баласы*, *бір ата баласы*⁵, что в дословном переводе означает «дети одного отца» (Абрамзон 1971: 185, 189; Ар ынбаев 1973: 30; Курылев 1978: 133).

Внутренняя структура кочевого и полукочевого социума была многоступенчатой. Общество дробилось на множество иерархически организованных групп, связанных сложной системой родственных и договорных отношений. Социальный статус индивида в межгрупповом общении определялся принадлежностью к конкретной семейно-родственной группе.

Обращаясь к вопросам, связанным с практикой владения и наследования имущества как мужчинами, так и женщинами, нельзя не коснуться темы определения форм семьи у кочевников Центральной Азии. Нужно помнить, что у казахов в XIX — начале XX века, еще до начала процесса тотального перевода кочевников на оседлый образ жизни, существовало не только кочевое, но и полукочевое скотоводческое хозяйство. Вполне обоснованным кажется предположение В.П. Курылева (1995) о зависимости формы семьи кочевников от типа хозяйства. У типичных кочевников преобладала малая индивидуальная семья, состоявшая из родителей и неженатых детей, женатые же сыновья, как правило, выделялись в самостоятельные хозяйства. Еще при жизни отец выделял сыновьям *ениші* — часть от семейного имущества. Таким образом, после смерти отца его имущество наследовал младший сын (*кіші бала*, *кенже*), остающийся в семье родителей и следующий кроме своего *ениші* и все семейное имущество.

Ряд авторов, касающихся в своих исследованиях вопросов наследования, обращают внимание на то, что разделение семьи было продиктовано объективной хозяйственной необходимостью — круглогодичным содержанием скота на сезонных пастбищах и невозможностью в силу природно-климатических условий содержать постоянно разрастающиеся стада на одном пастбище (Радлов 1989: 255; Курылев

⁵ Здесь и далее все цитируемые термины и фразы на казахском языке набраны курсивом и приводятся в правильной грамматической форме.

1995: 156–160). Видимо, именно по этой причине состоятельные мужчины выделяли своим женам часть скота, с которым те кочевали отдельно от мужа и руководили своим отдельным хозяйством до совершеннолетия сыновей или до специального распоряжения супруга. В этом случае свои наделы сыновья получали из хозяйства выделенных матерей. Что касается полукочевников, то у них, по мнению В.П. Курьлева, преобладала неразделенная семья, в рамках которой раздел семейного имущества происходил только после смерти главы семьи (Курьлев 1995: 161–163).

В XIX — начале XX века у казахов сохранялась практика дальних браков и не допускались браки в близкородственных линиях ближе семи поколений, считая от общего предка⁶.

Изучению семьи и брака у казахов посвящена обобщающая монография Х.А. Аргынбаева, изданная в 1973 году на казахском языке (1973). Впоследствии работа была защищена как докторская диссертация, а отдельные ее разделы были опубликованы в различных сборниках (Аргынбаев 1975; 1978; 1989 и др.). В работе Х.А. Аргынбаева рассматриваются семейно-брачные отношения и связанные с ними обычаи и обряды в период со второй половины XVIII века до наших дней. Всестороннее исследование Х.А. Аргынбаева является одним из наиболее полных по данной проблеме, а монография этнографа, несомненно, требует издания на русском языке. Работа Л. Жакиповой посвящена юридической основе семьи и брака у казахов (1971).

Вопросы брака, наследования и раздела имущества у народов Средней Азии детально освещаются в последней крупной публикации Н.А. Кислякова (1977). По его мнению, наиболее последовательно практику дальних браков проводили казахи, киргизы и каракалпаки. Кроме этого, Н.А. Кисляковым предпринята попытка анализа русской и зарубежной литературы по вопросам изучения семьи и брака у народов Центральной Азии. В сфере его внимания — работы советских исследователей по дореволюционному положению казахских

⁶ Однако в дореволюционное время в отдельных районах Казахстана и среди некоторых групп казахов наблюдалось некоторое смягчение «семипоклоленного» принципа брачных запретов: сокращалось число поколений, отдельных жениха и невесту от их общего предка. В конце XIX — начале XX века стали допускаться браки в третьем—пятом коленах. Возможно, это связано свлиянием ислама и брачных норм шариата, в результате чего, например, у южных кыргызов признавались законными браки даже между детьми родных братьев (Абрамзон 1976: 51).

женщин. Н.А. Кисляковым определены основные темы, которые затрагиваются в работах советских этнографов, занимавшихся этой проблемой: все авторы отмечают приниженное положение казахских женщин до 1917 года и связывают это с такими обычаями, как выплата калыма, левиратный брак, с традицией так называемого «колыбельного сватовства» (*бесік құда*).

Анализируя источники по обычному праву кочевых народов, очень важно не просто выделять осященные адатом нормы поведения и принципы владения имуществом, но и фиксировать примеры реального применения этих законов, а также существование возможных отклонений от традиционных норм, складывавшихся под влиянием шариата и российской законодательной системы. Именно в этом контексте мы и будем рассматривать юридические и экономические права женщины до брака, после брака, а также права, предоставляемые ей повторным браком и состоянием вдовства или развода.

Имперская российская политика, несомненно, оказала влияние на правовую систему кочевников. Прямое распространение законов Российской империи на казахов было невозможно, поэтому в регионе утвердилась правовая система, представляющая собой сплав традиционных юридических норм адата и законов, вводимых метрополией. Российское правительство ввело в местах расселения кочевников-скотоводов новое территориально-административное деление, которое подразумевало особую иерархию органов исполнительной и судебной власти.

Была узаконена двухзвенная система судов. Высшие судебные инстанции губерний и областей основывались на общегосударственных законах, а низшие — делились: пришлое население было подсудно общероссийским законам, а местные жители судились по нормам обычного права в судах биев, которые с 1886 года были заменены институтом выборных народных судей. При этом российское правительство изъяло из подсудности местных судов многие уголовные и гражданские дела, но оставило на их рассмотрение семейно-брачные споры. С течением времени российский контроль над судами биев ужесточался, было издано большое количество положений, регламентирующих деятельность народных судов. Степень зависимости народных судов от российской административно-судебной системы отличалась в каждом конкретном регионе.

Постепенное поглощение традиционных властных институтов казахов российской администрацией сопровождалось стремлением приспособить для своих нужд традиционные правовые институты ко-

чевников. Практика сосуществования адатных и общеимперских судов демонстрировала несовместимость двух судебно-правовых систем. Уже к концу XIX века некоторые положения адата вытесняются нормами общеимперского законодательства. Наиболее глубокие изменения коснулись именно судебно-правовой системы. Соционормативный пласт традиционной культуры (нормы традиционного быта) кочевников подвергся значительно меньшим изменениям при столкновении двух политико-правовых систем.

Специфика рассматриваемой ситуации полиюридизма заключается еще и в том, что сложившаяся у казахов традиционная правовая система тоже не была однородным образованием. В начале XIX века она включала как нормы адата, так и нормы шариата и воспринималась самими носителями традиции как единый закон. Ислам освятил многие социальные установления адата, что затрудняет выявление в правовой системе кочевников границы между нормами адата и шариата. Среди казахов были представители духовенства и местной аристократии, которые отдавали предпочтение шариату перед адатом. Но большинство населения степей было мало знакомо с нормами шариата и воспринимало некоторые из них через местные варианты адата. Борьба и взаимное приспособление «исламских» и «неисламских» норм определили развитие не только религиозной, но и правовой системы кочевников, что, естественно, не могло не отразиться на специфике социального статуса женщины у казахов в XIX — начале XX века.

Естественно, что для каждой эпохи характерен свой взгляд на «женский вопрос» и пути его решения. Октябрьская революция заставила пересмотреть многие устоявшиеся политические и социальные нормы жизни не только жителей России, но и жителей бывших национальных окраин Российской империи. Казахстан, как и многие другие молодые государственные образования в составе нового Советского государства, получил уже готовый рецепт освобождения женщины от гнета так называемого феодального прошлого. Этот трудный и порой неоднозначный процесс раскрепощения стал объектом исследования советских историков в первые же годы советской власти.

За все годы существования советской науки социальный статус женщины всегда был в поле ее исследований. Но сам по себе статус женщины не нуждался в исследованиях, ведь он был изначально задан официальной политической концепцией советской власти. В исследованиях нуждался сам процесс становления «нового человека» —

путь борьбы с пережитками прошлого и обоснование необходимости социалистических преобразований. Поэтому с самого начала не научные работы, а партийно-советская публицистика (по определению С. Карпыковой) стала основной силой в освещении «женского вопроса». Книги и статьи, которые можно отнести к этому направлению, имели сугубо популярный характер (например, Любимова 1925; Арыкова 1930; Сейфи 1926). Авторами подобных статей являлись сами партийные работники и активистки женских движений.

В начале XX века вышли в свет отдельные работы, посвященные вопросам роли женщины в скотоводческом хозяйстве, семейного положения женщины, «купленной за калым» (Головачев 1903; Малышев 1904; Пурецкий 1928). Однако эти работы нельзя в полной мере отнести к комплексным исследованиям проблемы пола в традиционной культуре степняков. По сути, это были единичные публикации, ограничивающиеся в своих выводах признанием существования в семье кочевников экономического неравенства ее членов в силу более высокого социального статуса мужчины.

Однако нужно заметить, что академическая наука до середины 30-х годов XX века в основном придерживалась традиций русской дореволюционной школы. Этнографическое изучение края продолжалось. Исследователи касались многих тем, так или иначе связанных с положением женщин в Казахстане. Среди авторов тех лет: А.П. Чулошников, исследующий в своем объемном труде по истории казахов правовое неравенство между мужчиной и женщиной в исторической перспективе (Чулошников 1924); В.Г. Соколовский, на основе материалов этнографической экспедиции написавший книгу «Казакский аул» и попытавшийся определить причины устойчивости института выплаты калыма (Соколовский 1926).

Особо хочется отметить работу Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР, которой выпускался журнал «Новый Восток». На страницах этого журнала неоднократно обсуждались вопросы, связанные с традиционным и современным положением казашек. В частности, высокой оценки заслуживает статья А. Штуссера «Пережитки родового строя в Казахстане» (Штуссер 1929). В основу статьи легли материалы, полученные в ходе этнографических работ, проведенных в Южном Казахстане. Автор анализирует правовое положение казахских женщин, подробно останавливается на проблеме сохранения обычаев аменгерства, выплаты калыма, умыкания невест и приходит к выводу об экономических причинах жизнестойкости этих традиций в казахском обществе.

Нельзя не упомянуть книгу, вышедшую в середине 30-х годов XX века под редакцией первого казахского профессионального историка С.Д. Асфендиярова и профессора П.А. Кунте, — «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», где впервые были собраны воедино разновременные и разноязычные источники по истории казахов, в том числе по правовому и экономическому положению казахских женщин (Прошлое Казахстана... 1935).

Но уже с конца 1930-х годов, с установлением тоталитарного режима, многие темы оказались закрытыми и не получили дальнейшего развития, некоторые из них если и освещались, то только с точки зрения идеологической пропаганды. В разряд этих тем попал и «женский вопрос».

XX век оставил нам трудное наследство. Понадобится много усилий для того, чтобы правильно оценить все достижения и просчеты той эпохи. Само время поставило перед Россией с ее многонациональным обществом необходимость выбора пути дальнейшего развития. К сожалению, был выбран один из самых радикальных способов борьбы с прошлым. Для Казахстана более щадящую программу эмансипации женщин еще в 1917 году на Всекиргизском съезде в Оренбурге предложила партия «Алаш». В эту программу по решению проблем улучшения социального и экономического положения женщин в Казахстане входили проекты законов по отмене калыма и аменгерства, заключения браков с несовершеннолетними, о необходимости согласия и жениха и невесты для заключения брачного союза; оговаривалась возможность многоженства для мужчины — только при согласии первой жены. Кроме того, на съезде поднимался и вопрос о предоставлении женщинам равных с мужчинами политических прав. Программа, предложенная партией «Алаш», включала решение основных, наиболее острых проблем, связанных с положением женщин на Востоке. Многие из затронутых в ней пунктов по эмансипации женщин вошли и в советские программы социалистических преобразований, но путь их реализации был выбран другой.

В 50-е годы XX века господствующей в этнографии оказалась идея социального равенства женщин и мужчин. Тем не менее изучением современных семейно-брачных отношений у казахов исследователи практически не занимались, что отмечает и известный исследователь-казаховед Э.А. Масанов в своем «Очерке истории этнографического изучения казахского народа в СССР» (Масанов 1966: 320). А немногочисленные работы, которые были написаны в то время, следуют стандартной схеме описания «модернизации» казахской культуры в целом

и «раскрепощения» казахских женщин, в частности, под влиянием программ социалистического строительства (Сабитов 1956: 193–205 и др.; Востров 1956: 84–95).

В 1960-е годы намечается подъем интереса к «женской проблематике». В итоге появляются первые монографические работы по вопросам образования, общественной жизни, здравоохранения казахских женщин. Среди этнографических работ следует отметить монографию И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой по традиционной казахской одежде, как мужской, так и женской (Захарова, Ходжаева 1964).

В 70–80-х годах XX века увеличивается количество публикаций, в которых авторами предпринимались попытки освещения социального статуса казахских женщин. Но большинство этих работ, как и в предшествующее время, часто носило конъюнктурный характер, писалось в духе пропагандируемых государством взглядов на исторический процесс (Садвокасова 1969; Майлыбаева 1975; Николаева 1976; Кунантаева 1978; Айдарова, Кульбаев, Осипов и др. 1982 и др.).

Все эти годы фактический общественный статус казахских женщин оставался в тени, многие проблемы, связанные с семейным и общественным положением женщин в Казахстане замалчивались. Но время идет, около двадцати лет назад женские/гендерные исследования стали частью академической науки. В их основу был положен анализ взаимоотношений женщины с государством и обществом. Социология и социальная антропология стали заниматься изучением социально-культурного конструирования гендера. В результате интереса, проявленного современными этнологами к гендерной проблематике, была обозначена проблема места и роли женщины в различных культурах.

В 90-х годах XX века в Казахстане возникает целый ряд общественных движений и организаций (сейчас их более 50), занимающихся разработкой гендерной проблематики в современном центральноазиатском обществе. Основное направление деятельности подобных организаций — выработка национальных стратегий решения «женского вопроса» в современном мусульманском мире, разработка концепций борьбы с дискриминацией женщин в постсоветской Центральной Азии. В 2002 году впервые за всю историю Казахстана была создана Демократическая партия женщин Казахстана, целью программ которой является защита прав женщин, освещение вопросов, связанных с соблюдением этих прав, и выявление фактического правового статуса казахских женщин.

В свет выходят книги, посвященные женской проблематике, освещающие актуальные вопросы гендерной защиты в современном мире (Ненадежность... 1996). К сожалению, исторические темы в подобных исследованиях затрагиваются достаточно поверхностно. Больше внимание уделяется положению женщины «советского Востока» и значительно меньшее — традиционным ценностным характеристикам статуса женщины в культуре. Конечно, необходимо помнить, что без изучения исторического контекста невозможно оценить изменения (как прогрессивного, так и регрессивного характера), произошедшие в общественном статусе казахской женщины на протяжении последних столетий: от времени господства традиционных установок в культуре через заидеологизированный период советской истории Центральной Азии до постсоветской современности с ее неоднозначными социальными и этнокультурными процессами.

Среди публикаций последних лет особо стоит отметить обобщающую работу А. Табышалиевой по истории положения женщин Центральной Азии, вышедшую в Бишкеке более 10 лет назад (Табышалиева 1998). Исследовательница пытается охарактеризовать положение женщины в кочевом и оседлом обществах Центральной Азии на протяжении достаточно солидного временного отрезка: от начала XIX века до рубежа XX—XXI веков. По словам самого автора (Табышалиева 1998: 126), эта книга стала попыткой ревизии «традиции насилия над женщиной» Центральной Азии. Ценность наблюдений А. Табышалиевой заключается в том, что они представляют собой взгляд на проблему «изнутри» изучаемой культуры. К сожалению, историческая часть работы является скорее очерком традиционной культуры, нежели законченным исследованием. В основе этого очерка лежат фрагменты из описаний путешественников, посетивших Центральную Азию в XIX — начале XX века.

Значительно больший интерес представляет труд казахской исследовательницы С.С. Карпыковой «Женщины Казахстана в советской исторической литературе 20-х — середины 30-х гг. XX века», который является одной из первых попыток исторического анализа общественно-политической и научной литературы по проблемам положения женщины в Казахстане (Карпыкова 1996). Важно то, что С.С. Карпыкова с точки зрения историка анализирует и раскрывает причины, по которым одни направления изучения социально-экономического положения женщин в Казахстане становились приоритетными в советской науке, а другие — предавались забвению.

Нехватка именно таких работ, написанных квалифицированными специалистами, освещающих широкий круг источников по теме, ощущается достаточно остро, особенно в настоящее время — в момент активизации женского движения в суверенном Казахстане.